

«МОСКВА И ПЕТЕРБУРГ»

по Александру Ивановичу Герцену

С того дня, как Пётр увидел, что для России одно спасение— перестать быть русской, с того дня, как он решился двинуть нас во всемирную историю, необходимость Петербурга и ненужность Москвы определилась. Первый, неизбежный шаг для Петра было перенесение столицы из Москвы. С основания Петербурга Москва сделалась второстепенной, потеряла для России прежний свой смысл (...). Москву забыли после Петра и окружили тем уважением, (...) которым окружают старуху-бабушку, отнимая у неё всякое участие в управлении имением. (...) Всё талантливое, появлявшееся в Москве, отправлялось в Петербург писать, служить, действовать. (...)

В Петербурге все люди вообще и каждый в особенности прескверные. Петербург любить нельзя, а я чувствую, что не стал бы жить ни в каком другом городе России. В Москве, напротив, все люди предобрые, только с ними скука смертельная; в Москве есть своего рода полудикий, полуобразованный быт (...); на него хорошо взглянуть, как на всякую особенность, но он тотчас надоест. (...) Оригинального, самобытного в Петербурге ничего нет, не так, как в Москве, где всё оригинально — от нелепой архитектуры Василья Блаженного до вкуса калачей. (...) Петербург тем и отличается от всех городов европейских, что он на всё похож; Москва — тем, что она вовсе не похожа ни на какой европейский город, а есть гигантское развитие русского богатого села. (...) У него есть полиция, (...) река, двор, семиэтажные дома, гвардия, тротуары, (...) улицы, и он доволен своим удобным бытом, не имеющим корней (...).

В Москве мёртвая тишина; люди систематически ничего не делают, а только живут и отдыхают перед трудом; в Москве после 10 часов не найдёшь извозчика, не встретишь человека на иной улице (...). В Петербурге (...) все до такой степени заняты, что даже не живут. Деятельность Петербурга бессмысленна, но привычка деятельности — вещь великая. (...) У петербуржца цели ограниченные (...); но он их достигает, он недоволен настоящим, он работает. Москвич, преблагороднейший в душе, никакой цели не имеет, большей частью доволен собою (...).

Москвич любит кресты и церемонии, петербуржец — места и деньги; москвич любит аристократические связи, петербуржец — связи с должностными лицами. (...) В Петербурге можно прожить два года, не догадываясь, какой религии он держится; в нём даже русские церкви приняли что-то католическое. В Москве на другой день приезда вы узнаете и услышите православие и его медный голос. (...) Вся эта святыня бережётся стенами Кремля; стены Петропавловской крепости берегут казематы и монетный двор.

Удалённая от политического движения, питаюсь старыми новостями, (...) Москва (...) рада посещению, даёт балы и обеды и пересказывает анекдоты. Петербург, в центре которого всё делается, ничему не радуется, никому не радуется, ничему не удивляется: если б порохом подорвали весь Васильевский остров, это сделало бы меньше волнения, чем приезд персидского посланника в Москву. (...) В Москве до сих пор принимают всякого иностранца за великого человека, в Петербурге — каждого великого человека за иностранца. (...) Зато москвичи плачут о том, что в Рязани голод, а

петербуржцы не плачут об этом, потому что они и не подозревают о существовании Рязани, а если и имеют тёмное понятие о внутренних губерниях, то наверное не знают, что там хлеб едят.

(...) Молодой петербуржец формален, как деловая бумага (...). В Петербурге вообще либералов нет, а если появляются, то отправляются не в Москву, а в Сибирь.

В судьбе Петербурга есть что-то трагическое, мрачное и величественное. Это любимое дитя северного великана (...). Небо Петербурга вечно серое; солнце, светящее на добрых и злых, не светит на один Петербург (...); сырой ветер приморский свищет по улицам. Повторяю, каждую осень он может ждать шквала, который его затопит. (...) Взгляните на москвичей (...): им и не жарко и не холодно, им очень хорошо, и они довольны балаганами, экипажами, собою. И взгляните после того в хороший день на Петербург. Торопливо бегут несчастные жители из своих домов и бросаются в экипажи, скачут на дачи, острова; они упиваются зеленью и солнцем (...); но привычка заботы не оставляет их: они знают, что через час пойдёт дождь, что завтра, труженики канцелярии, (...) они утром должны быть по местам. (...)

В Москве на каждом шагу — прекрасный вид; Петербург можно исходить с конца в конец и не найти ни одного даже посредственного вида; но, исходя из того, надо воротиться на набережную Невы и сказать, что все виды Москвы — ничего перед этим. В Петербурге любят роскошь, но не любят ничего лишнего; в Москве именно одно лишнее считается роскошью; оттого у каждого московского дома колонны, а в Петербурге нет; у каждого московского жителя несколько лакеев, скверно одетых и ничего не делающих, а у петербургского — один, чистый и ловкий.